

Текстологическая интерпретация произведений М. М. Пришвина

Ж. Б. Джаламова

ст. преп. КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена исследованию творческого опыта М.М.Пришвина. Текстологическая интерпретация авторских оригиналов и других вариантов, сравнительно-сопоставительное прочтение дневников и художественных произведений создают необходимый уровень достоверности текста. Художественная традиция, претворяемая в творчестве Пришвина, создает плодотворные диалогические контексты. Исследование проблемы выдвигает во главу теоретического осмысления важнейшие аспекты современной текстологии, среди них – источниковедение и историю текста.

Творческая биография М.М.Пришвина прояснилась с достаточной определенностью лишь в восьмидесятые годы XX века, с завершением в 1986 году восьмитомного собрания сочинений. Наиболее полное по сей день издание включило ряд произведений, не публиковавшихся при жизни писателя, либо после выхода в свет в 20-30 годы не переиздававшихся.

По сути, несколько поколений читателей познавало художественный мир писателя по правленным различными издательствами, с множеством купюр и амплификаций, редакциям текста. В результате возникали в осознании и оценке мировосприятия писателя серьезные недоразумения и перекосы. Лишь достаточно узкий круг исследователей владел квалифицированной информацией об истинном положении дел с пришвинским наследием. Творческая судьба М.М.Пришвина обретает тем самым *социально-знаковый смысл* в истории национальных литератур советского периода, создавая прецедентные условия для обязательного включения в современные филологические исследования *текстологического аспекта* (здесь и далее курсив автора статьи).

Наследие М.М.Пришвина, таким образом, бытует на двух неравнозначимых уровнях. Тексты целого ряда произведений представлены в авторской редакции в одних изданиях и в искаженных вариантах – в других, что само по себе требует необходимого научного комментария. Можно с уверенностью предположить, что область открытий в пришвинском наследии будет расширяться.

М.М.Пришвин один из первых в литературе XX века серьезно заявил об объективной значимости природы, но это не только не мешает авторской устремленности к душе человека, но, напротив, служит необходимой к тому предпосылкой. Повествование в его произведениях строится таким образом, что из него законо-

мерно вытекает, по заключению самого писателя, «самый большой вывод, самый большой образ – это мир как Целое, и смысл весь в отношении к этому Целому». Эта основополагающая мысль эстетики Пришвина богата самыми разнообразными оттенками, наполняет различные характеры и жизненные обстоятельства.

Целый ряд исследовательских работ осуществляет обогащенные новым знанием подходы к творчеству М.М.Пришвина: в культурологическом контексте мирового и русского художественного опытов, на уровне мифопоэтического мировосприятия и фольклора, в сфере евразийской философии и эстетики, в этногенетической и космической проекциях. Тем самым объективными условиями создана ответственная *необходимость научной дифференциации* накопленного исследовательского потенциала в соотнесении с выдвинутой темой

Особо значимы страницы творческой биографии М.М.Пришвина, отражающие его пребывание в 1909 году в Казахстане. Не только конкретные произведения: «Адам и Ева», «Черный араб», «Архары», «Соленое озеро», – но и не утратившие, а напротив, в период возрождения пристального, многоаспектного внимания в казахском обществе к истории, генетическим корням нации вызывающие обостренный интерес писательские дневники. И сам М.М.Пришвин, и его биографы свидетельствуют неоднократно, что именно путешествие из Павлодара в Каркаралинск завершило создание *индивидуального писательского почерка*, способствовало воплощению в книгах *самобытной концепции Востока*.

Метод письма, обретенный в результате непосредственного общения с реалиями казахской природы, эпоса и фольклора, истории и быта, впервые претворенный писателем в «Черном арабе», служил добрую службу в продолжении всей его творческой жизни: в лирической повести или, по жанровому опре-

делению самого автора, поэме «Жень-Шень», а также в сказке-были «Кладовая солнца», повести-сказке «Корабельная чаша», в романе-сказке «Осударева дорога»... М.М.Пришвин осознавал свой метод как *круговое воплощение темы*, исходящее из ее фокуса, центра. И в этой связи уместно подчеркнуть неоднократно варьируемую в дневниках тему о «неразбиваемом единстве» его книг.

Интерпретация текстов М.М.Пришвина выявляет сложный процесс художественного воплощения реального наблюдения, порой научного факта: едва уловимый путь от видимого к невидимому, в процессе которого реальность становится образом-символом. Ценный материал для подобных наблюдений дает сравнительная интерпретация дневников писателя и его художественных произведений. Исходя из реальности современной духовной проблематики, можно утверждать, что творческий опыт писателя - может представлять интерес для любого национального сознания.

С творчеством М.М.Пришвина многие годы связывались определения «певца природы», этнографа, автора книг для детей. Подобные характеристики не охватывают в целом философский потенциал творчества писателя. Творческая судьба Пришвина после 1917 года может казаться благополучной лишь неискушенному читателю. Достаточно вспомнить судьбу целого ряда его книг, до последнего времени или не публиковавшихся вовсе с клеймом «контрреволюционных» («Мирская чаша»), или не переиздававшихся после единственной публикации по той же причине («Халамеева ночь»), или увидевших свет в редакции, мало общего имеющей с авторской, что характерно для всех без исключения произведений Пришвина.

По сути читатели познавали творчество М.М.Пришвина не по авторским текстам, а по правленным различными редакциями, с множеством купюр, вариантам. В первую очередь по этой причине возникали в связи с осознанием и оценкой творчества писателя серьезные недоразумения и ошибки. С одной стороны, различного рода стереотипы: «певец природы», «замкнутый эстетизм», «уход от общественной борьбы», с другой – упреки в конъюнктуре и конформизме, более того – в бесчеловечности и эгоизме.

Лишь в восьмидесятые годы стало возможным издание 8-ми томного собрания сочинений писателя, представившего тексты произведений

без «поправок оглядчивого времени и многоопытных редакторов» [1]. Опубликованы и «контрреволюционная» «Мирская чаша», и дневники писателя, поставленные критикой по рейтингу глубины и значимости рядом с «Архипелагом Гулаг» А.Солженицына. Но, думается, следует согласиться с мнением исследователя: «И все-таки загадка пришвинской полноты и вновь остро переживаемой цельности не в самой по себе новизне и обогащенности издания (новые и исправленные тексты только подчеркнули очевидность загадки). Ответ, вероятно, надо искать во времени или в параллелях времен, которые обычно неожиданно освещают друг друга» [2]. Независимо от отдельных мнений и оценок, порой в отношении к Пришвину резко противоположных, не вызывает сомнения актуальность *лингво-культурологического прочтения* произведений М.М.Пришвина в аспекте сравнения оригинальных текстов и редакторских версий. *Текстологический метод исследования* актуализируется и наличием нескольких авторских редакций одного произведения, к примеру трех редакций «Черного араба». [3, 103-110]. Существование трех редакций, отличающихся между собой по количеству, а значит и по типу их соединения в художественное целое, и рождает проблему целостности и идентичности этого произведения. Свободная очерковая композиция соединяется в произведении со своеобразным пришвинским принципом построения художественной мысли: нанизывание мотивов, их контрапунктное развитие: страну обетованную ищут и не находят не только переселенцы, но и рассказчик и сами хозяева степей.

Наличие различных редакций и вариантов дает возможность осуществить *эксперимент текстологического истолкования* конкретных произведений. До последнего времени такую возможность мог предоставить лишь архив писателя: личный, долгие годы бывший в распоряжении его вдовы В.Д.Пришвиной, и государственный - после ее кончины. Публикация в авторском оригинале повестей «Черный араб», «Жень-Шень», «Кладовая солнца», «Корабельная чаша», романов «Кашеева цепь» и «Осударева дорога», четырехтомного собрания дневников... - предрасполагает к исследованию поэтики М.М.Пришвина на новом качественном уровне.

Наконец, не освоен до сего времени аксиологический уровень восприятия произведений

М.М.Пришвина, который обусловлен их интертекстуальными связями. При этом следует подчеркнуть особо, что востребованию подлежит та здоровая сфера *интертекстуальности как метода*, которая прогнозирует общие для нескольких писателей контексты: социо-культурный, (авто)биографический, а также «глубинный мифологический или психологический архетип», который реализован в конкретном произведении [4,8]. Отмеченный архетип проявляем, в частности на уровне внешней композиции: в заглавиях и эпиграфах. Как известно, И.А.Бунину принадлежит «Чаша жизни», М.М.Пришвину – «Мирская чаша», И.С.Шмелеву – «Неупиваемая чаша»... Символ чаши в прозе целого ряда русских писателей пробуждает к жизни именно глубинный пласт мифо-ритуального сознания.

Толкование произведений на подобном аксиологическом уровне уточняет *интексты, прецедентные* не только в творчестве М.М.Пришвина. Подтверждением чему могут послужить выявляемые связи с двумя его младшими современниками: А.Платоновым и М.Булгаковым. Намечаемая тема побуждает к целенаправленному изучению, прежде всего, дневников писателя.

Дневники М.М.Пришвина, которые писатель вел в течение всей сознательной творческой жизни, – многофункциональны в своем философско-художественном претворении. Они, в первую очередь, лаборатория творческих замыслов, от первого проклюнувшегося зародыша – до «Корабельной чаши». И «тот влиятельный современный контекст», исторический и социокультурный, вне которого литература теряет свой главный смысл. Пришвинские дневники – это и своего рода «энциклопедия русской жизни» XX века, трагической и многострадальной. Наконец дневниковые записи составили содержание нескольких художественных книг с четко фокусируемой жанровой поэтикой.

Неисчерпаемый духовный потенциал чувств переживаний скрепляет целостное движение писательской мысли, в которой прослеживаются ведущие темы. Так, размышления о *культурно-коммуникативной роли* литературы озвучены наиболее последовательно именно в дневниках. Они, в свою очередь, рождают самобытное *интертекстуальное* поле в творчестве М.М.Пришвина.

Дневники, таким образом, демонстрируют необходимый для интерпретации конкретного

произведения «весь (авто) биографический текст жизни и творчества автора, особой редакцией которого можно полагать рассматриваемый литературный текст». [4,8]. В создании этого единого *авторского текста* плодотворна роль выше обозначенных «прецедентных» мотивов и образов, то есть наиболее продуктивно повторяемых в отечественной и мировой культуре. Пришвинская мысль осмысляет традицию А.Пушкина и Н.Гоголя, Л.Толстого и Ф.Достоевского, из зарубежных авторов: В.Шекспира и М.Сервантеса, И.Гете и Г.Ибсена...

В произведениях Пришвина извлекаемы устойчивые интексты объединяющие писателя с культурой прошлого, настоящего и будущего. Ибо в них претворен «тот *глубинный* (мифологический или психологический) *архетип*, который реализован в произведении, возможно, с *новаторскими вариациями*». Так пушкинская тема «бедного Евгения» одухотворяет психологический архетип, претворяемый в повествовании М.Пришвина, А.Платонова. Оба писателя пронесли эту тему через все творчество как крест, уготованный им судьбой, особенно тяжелый в годы исторических испытаний. Запись в пришвинском дневнике 1922 года: «В лучшем случае, если даже мне удастся совершенно очистить свою душу от эгоизма, у меня останется одна тема: Евгений из «Медного всадника» [1, 141].

Пришвин ищет возможные пути согласия судьбы частного человека, отдельной личности и государственных интересов. Писатель приходит к заключению о том, что причиняющий ему страдания трагизм судьбы Евгения в общечеловеческом звучании разрешен Пушкиным в «Капитанской дочке».

Движение его творческой мысли проясняется в истории эпиграфа к предпоследней главе романа-сказки «Осударева дорога». Поначалу в роли эпиграфа выступает интекст «Ужо тебе, Строитель!» Его интонационно-семантическое содержание не оставляет сомнений в возможности однозначного толкования: автор не может просить жертвы личностью ради каких бы то ни было высоких целей. Однако окончательный вариант переводит решение этой наиглавнейшей для русской культуры темы в иное русло, которое не подлежит окончательному и единственному ограничению смысла. Все публикации романа сопровождаются эпиграфом-интекстом из «Медного всадника» Пушкина: «Да умирится же с тобой/ И побежденная стихия» [т.6, 205].

Смена настроений писателя в самом главном своем источнике получает объяснение в примечаниях к одной из последних публикаций. Не имея возможности, в условиях социально-культурного контекста времени (конец 70-х г.) прокомментировать в целостности мучительный путь раздумий писателя, В.Д.Пришвина цитирует дневниковую запись автора «Осударевой дороги». Запись сделана в 1948 году:... «Если только выйдет из этой работы книга, остающаяся надолго, как остался мой «Колобок» или «Жень-Шень», что я завещаю в посмертное издание к «Осударевой дороге»: «Аще сниду во ад – и Ты тамо еси» [т.6, 422]. Интекст из Библии, включаемый в замысел романа, создавал обширное информационно-культурное поле, к возможностям которого комментарии излишни. Это особая тема.

Характерны в статье А.Платонова «Пушкин – наш товарищ», в которой из всего громадного пушкинского наследия сфокусирована проблематика именно «Медного всадника», попытки диалогически разрешить «спор» Евгения с Петром I. «Истинное решение темы: объединить Петра и Евгения – они одно»[5]. Ход рассуждений автора «Епифанских шлюзов» закономерно воспринимать в ключе пришевских мыслей, подтверждений тому немало. А.Платонов рискует противопоставить достоинство частного человека праву государственного человека, т.е. власти. Рискует, потому что в условиях 30-х годов, когда, по Маяковскому, «единица – ноль/единица – вздор», – эта тема была не только сомнительной, но чрезмерно опасной. И все-таки писатель сделал свой выбор: «Евгений тоже ведь «строитель чудотворный», – правда, в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: *в любви к другому человеку*» [5, 196].

Пришвин находит более сложный, чем прямой выбор, выход из причиняющего ему страдание тупика: как мог Пушкин заступаясь за Евгения, возвеличивать Петра? По его мысли, трагизм судьбы «бедного Евгения» – в ее общечеловеческом звучании – разрешен поэтом в «Капитанской дочке». И подключается к диалогу М.Пришвина и А.Платонова голос еще одного русского писателя. Как известно, М.Булгаков в качестве одного из эпиграфов поместил в «Белой гвардии» также весьма прецедентный в русской литературе текст из «Капитанской дочки». Более того, пушкинская повесть стала деятельным струк-

турным компонентом предметного мира в повествовании. Эта тема в творчестве Булгакова представляется достаточно изученной, что подтверждается уже исследованием И.Ф.Бэлзы «К вопросу о пушкинских традициях в отечественной литературе (на примере произведений М.А.Булгакова)» [6, 191-243]. М.Булгаков в «Белой гвардии» творчески претворяет конечный итог пришевских мыслей об особенной роли в русской литературе той «психологической точки зрения», которую выражает повествователь в «Капитанской дочке».

И чрезвычайно примечательно, каким образом страницы «Белой гвардии» повлияли на творческое сознание современного автора. Героем стихотворения Н.Ушакова «Взрыв на Зверинце» стал Евгений (пришедший из «Медного всадника»), который обезумел после того, как узнал «милый дом», где погибла его возлюбленная...» [6, 197].

Таким образом, выявляется не только прецедентность пушкинского текста в русской культуре XX века, но прецедентность контекстуального его решения. Творческое наследие М.М.Пришвина, как убеждает герменевтическое его освоение, богато тем аксиологическим содержанием, которое возможно прояснить лишь в целостности различных интерпретационных подходов.

Литература

1. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8-ми томах, М.: Художественная литература, 1982-1986 гг. В тексте статьи указаны том и страница.
2. Курбатов В. Неоскорбленный человек. Литературная газета, 25 ноября. – №48. – 1987.
3. Дворцова Н.П. Три редакции «Черного араба» М.Пришвина. Проблема целостности и идентичности произведения //Творчество М.М.Пришвина. Исследования и материалы. – Воронеж, 1986.
4. Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. – М.: Сов. писатель, 1992.
5. Платонов А. Пушкин – наш товарищ//Размышления читателя. – М.: Современник, 1980.
6. Контекст 80. – М.: Наука, 1981.

* * *

Мақалада М.М. Пришвиннің шығармашылық тәжірибесін зерттеуге арналған. Тақыраптың өзектілігі жазушының 20 ғасырдағы әлемдік әдеби процесітегі алатын орнын және оның кітаптарының философиялық-эстетикалық проблематикасың бүгінгі күн түргасынан зерде-

леумен айқындалады. 80-ші жылдардың аяғынан бастап пришвиндік деректеметану әлеуеті едәуір толығып әрі ғылыми молайды. Бұл өз кезегінде, келешегі бар және әлі күнге дейін тұтасымен ешкім меңгермеген зерттеу бағыты болып табылды. Пришвиндік туындылардың шығу тарихын қазіргі мәтінтанудың маңызды жайлармен: деректеметану және мәтіннің тарихымен байланыста алып қарауға арналған.

* * *

The article investigates the creative experience underlying Michail Prishvins works. The relevance of the subject is

defined by the writers role in the world literature process of the twentieth century, and the contemporary understanding of philosophical and esthetic problems of his works. From the end of 80-sss there has been considerable work carried out in relation to source analysis of Prishvins works which has been enriched as a science that serves as perspective and unassimilated until the present time sphere of research. The research must deal with into the creative processes involved in some of his productions important theoretic aspects of contemporary textual studies, i.e. source and textual studying.

Литературная жизнь Казахстана в творчестве Юрия Домбровского

Ж. Ергалиева

к.ф.н., доцент КазГосЖенПУ, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается творчество Ю. Домбровского – писателя, переводчика, поэта, многие годы жизни которого связаны с Казахстаном. Исследуется художественная манера писателя, ее связь с действительностью и историей Казахстана. О происходящих в нем социальных преобразованиях, о дружбе народов в этой многонациональной стране, о литературной жизни. В статье использован богатый библиографический материал. Казахстанский период жизни Домбровского включает себя активное сотрудничество с газетой «Казахстанская Правда» и журналом «Литературный Казахстан», о публикациях и очерках Домбровского в них. Внимательный к культуре страны, в которой он оказался волею обстоятельств, Домбровский стал ее вдумчивым и кропотливым исследователем. Работы, посвященные Казахстану, вошли в полное собрание сочинений, в последний, шестой том его работ. С Казахстаном связаны его произведения – повесть «Державин», роман «Хранитель древностей», роман «Факультет ненужных вещей».

Ю. Домбровский, писатель, переводчик, поэт, 70 лет жизни был связан с Казахстаном. С Казахстаном связаны его произведения – повесть «Державин», роман «Хранитель древностей», роман «Факультет ненужных вещей». Памяти Файзулы Турумова, отца его супруги Клары Турумовой, героически погибшего 22 июня 1941 года в Брестской крепости посвящен роман «Хранитель древностей». В Алма-Ате в 1974 году вышла книжка «Факел».

В «Кратком биографическом словаре» выделены два периода в творчестве Ю. Домбровского: казахский (1937-55) и московский (1956-78) [Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь]. Казахстанский период жизни Домбровского включает в себя активное сотрудничество с газетой «Казахская правда» и журналом «Литературный Казахстан». Работа в музее Алма-Аты стала для Домбровского импульсом к созданию романа «Хранитель древностей». В 1943 г., освобожденный из-за тяжелой болезни о провинности, Домбровский вернулся в Алма-Ату и с парализованными ногами, в

больнице начал писать роман «Обезьяна приходит за своим черепом».

Проведший в ссылках и тюрьмах около двадцати лет, прошедший Колыму, Тайшет, в Озерлаге Домбровский нашел в числе жертв «антикосмополитической» и «антинационалистической» кампаний друзей на всю жизнь - известных казахстанских ученых: историка, первого казахского академика Ермахана Бекмаханова, фольклориста Есмагамбета Исмаилова. По приглашению Исмаилова после Озерлага Домбровский поехал в Алма-Ату. Домбровский перевел монографию Исмаилова «Акыны». Благодаря переводам Домбровского советскому читателю стали известны лучшие произведения казахской литературы: роман С. Муканова («Школа жизни», «Восхождение», «Сыр-Дарья»), романы Ильяса Есенберлина («Схватка», удостоенный Государственной премии КазССР имени Абая, и «Опасная переправа», который выдвигался на Государственную премию СССР), Бердыбека Сокпакабаева («Мертвые не возвращаются»), Беимбета Майлина.